

УДК: 316.42

С.Т. Кавецкий

канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: kstbrest@mail.ru

УГЛУБЛЕНИЕ НЕРАВЕНСТВА – ГЛОБАЛЬНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ НОВОГО МИРОУСТРОЙСТВА

В статье рассматривается планетарная проблема – углубление неравенства, которое охватывает все стороны общественной жизни. Показан рост факторов зарождения, распространения и усложнения неравенства, которое усугубляется в первую очередь экономическим неравенством, а также дискриминацией, насилием, последствиями миграции, войн, природных бедствий, климатических изменений, добычи природных ресурсов. Раскрывается сущность социального неравенства, которое проявляется в неодинаковом доступе разных групп населения к социальным благам, здравоохранению, образованию, а значит, в различных стартовых возможностях граждан, а также ограниченностью их реального участия в принятии коллективных решений

Одной из главных проблем современного мира является неравенство. Эту тему констатировал XVIII социологический конгресс, проходивший под девизом «Сталкиваясь с неравным миром: вызовы глобальной социологии». На актуальность проблемы развития неравенства в современном мире указала вице-президент Международной социологической ассоциации Ракель Соса: «Эта проблема не отдельных стран – каждый седьмой человек из десяти живет в странах, в которых экономическое неравенство за последние 30 лет увеличилось; в современном мире половина мирового богатства находится в руках 1 % населения; насчитывается не менее 774 млн неграмотных взрослых, а 162 млн детей страдают от задержки роста. Но самое главное – отмечается рост факторов, способствующих производству, распространению и усложнению неравенства, которое усугубляется расизмом, дискриминацией, насилием, миграцией, войной, природными бедствиями, инвайронментальным загрязнением, климатическим изменением или добычей природных ресурсов, фактором гендера, возраста, инвалидности, коллективной или индивидуальной идентичности, обусловленной этническими или религиозными особенностями или сексуальной ориентацией и даже невозможностью реального участия в принятии коллективных решений» [1, с. 30]. Таким образом, человечество в целом обретает облик неравного и несправедливого мира. Не просто количественно увеличивается разрыв в доходах и благосостоянии между богатыми и бедными, а качественно по нарастающей ухудшаются жизненные шансы и стили жизни миллионов людей.

Широкий спектр неравенств можно увидеть через призму влияния глобальной, по существу, западной культуры на национальные культуры. Однако при всех «достоинствах глобальной культуры, в ней есть существенные побочные эффекты, подрывающие или умаляющие ценности локальных культур» [2, с. 31].

3. Бауман считает, что больше всего иррациональное влияние глобальной культуры проявляется в ее «текучем» характере по отношению к нормам национальных культур. В своей книге «Текущая современность» он проанализировал изменяющиеся условия социальной и политической жизни мегааномалий современного мира. Используя метафору «текущая современность», автор фиксирует переход от мира плотного, структурированного, обремененного целой сетью социальных условий и обязательств к миру пластичному, текучему, свободному от заборов, барьеров, границ. «Данный переход, – утверждает он, – повлек за собой глубокие изменения во всех сферах человеческой жизни. Это новое состояние с большим трудом поддается представлению в терминах «информационное общество», «сетевое общество», «глобализация», «пост-модерн» [2, с. 5].

Таким образом, «общество потребления, или современный этап развития мира продуцирует различия во всех сферах жизнедеятельности людей, образе жизни, культуре» [3, с. 75]. «В потребительском обществе всеобщая потребительская зависимость – универсальная зависимость от покупок, это обязательное условие всей индивидуальной свободы, главным образом, свободы отличаться, “иметь идентичность”» [2, с. 92]. Возникает так называемый потребительский синдром: в условиях «текущего модерна фактор новизны приобретает наивысшую ценность» [3, с. 75]. Результатом этого явления становится «скорость, с которой делаются покупки, доступ к товарам, затраты финансовых средств и немедленное желание делать их снова» [3, с. 75].

В современном глобализирующемся мире «через Интернет, минуя национальные и культурные барьеры, в страны проникают идеи, образы, информация как легального, так и нелегального содержания (детская порнография, культура насилия и т.д.). Их “текущий” контент, распространяющийся в виртуальном пространстве, отнюдь не означает слабость влияния на общественное сознание. Более того, в силу этой “текущей” особенности в локальные культуры легче проникают формы девиации и преступности, не имеющие корней в национальной среде» [1, с. 31]. В этот глобализационный период проявляется широкий спектр девиации, т.е. массового отклонения от существующих в обществе норм, что характерно для аномического развития. «Во всем мире произошло гигантское накопление эмпирических сведений о многочисленных проявлениях негативной девиантности (хуже с позитивной – творчеством): различных видах преступности, наркотизме, алкоголизации населения, коррупции, торговле людьми, суицидальном поведении, сексуальных перверсиях и др. Развитие девиантологической теории и эмпирической базы закономерно привело к формированию относительно самостоятельных научных направлений внутри девиантологии. Диверсификация – нормальный путь развития науки (вспомним физику, биологию и др.)» [4, с. 71].

Необходимо отметить, что неравенство – это не только концентрация власти, богатства и культурного превосходства в рамках национальных государств, но и доминирование более высокого уровня жизни через призму «гламура» в отдельных мегаполисах. К концу XX в. постиндустриальный капитализм трансформировался в глэм-капитализм. Предпосылки для этой новейшей формы были созданы виртуализацией социальных структур. «“Виртуальная реальность” – хорошая метафора и адекватная модель для так называемой новой экономики брендов, финансовых инструментов (деривативов) и потребительских кредитов. Это понятие помогает также анализировать и объяснять современную политику, опирающуюся в большей мере на имиджмейкинг и использование масс-медиа, чем на традиционные формы работы с электоратом» [2, с. 15]. В результате виртуальные товары, организации, деньги стали создаваться в растущих масштабах. В начале XXI в. рынки оказались перенасыщенными не только продуктами, но и брендами, создаваемыми по одним и тем же шаблонам. Интенсивная коммодификация образов привела к тривиальности виртуализации как бизнес-стратегии и к утрате ею конкурентных преимуществ. В условиях перепроизводства виртуальности рациональным стало создание максимально ярких и максимально простых образов. Товары должны быть агрессивно-красивыми, чтобы привлекать потребителей. Привлечь их возможно только на короткие периоды, поэтому процесс создания стоимости теперь больше связан с генерированием трендов, чем с выстраиванием брендов.

Сдвиг создания стоимости от брендов к трендам можно наблюдать не только в индустрии моды и шоу-бизнесе, но и в высокотехнологичном и финансовом секторах. И означает он переход постиндустриального капитализма в новую фазу развития: от логики виртуализации к логике гламура. «Гламур – сейчас не только стиль жизни вошедших в городской фольклор “блондинок” и “метросексуалов”, или экстравагантная эстетика, воплощенная в ряде феноменов поп-культуры – от голливудских “звезд” 1930-х – до глэм-рока 1970-х» [2, с. 15]. В 2000-х гг. руководители менеджмента и маркетинга стали рассматривать его как одно из «стратегических направлений, поскольку

гламур проникает практически во все сферы общества. Термины «гламур», «большая пятерка» (объект исследования), «горячая десятка» могут показаться слишком экзотичными для научного анализа. «Однако следует заметить, во-первых, это не противоречит научной традиции конструирования понятий. А во-вторых, именно понятие гламура и представление о его элементах позволяет логично объяснить динамику постиндустриального общества и составить адекватное представление о порождаемых им структурах неравенства» [2, с. 16].

В структуры гламурно-промышленного комплекса (ГПК) входит индустрия роскоши. «К 2000 г. объем мирового рынка роскоши оценивался в 70 млрд долл., а в 2005 г. – уже в 130 млрд, т.е. среднегодовые темпы роста составили порядка 14 %. Глобальный экономический кризис 2009 г. затронул и индустрию роскоши, однако в посткризисный период 2009–2014 гг. она росла в среднем на 9 % ежегодно, опережая прирост ВВП всех национальных экономик» [5].

Еще одной составляющей ГПК является индустрия гостеприимства. Она «является трансиндустрией, объединяющей туристические агентства, рестораны, отели и другие типы предприятий, которые на разной технологической основе производят один товар: гламурную экзотику как приключение в кондиционированном помещении» [2, с. 17].

Весьма специфической является «индустрия развлечений для взрослых», которая за последние годы завоевала обширную клиентуру. Гламурная эротика, индустрия секса характерна для порнографии. «Глобальный рынок порнографической продукции рос в начале XXI в. в среднем на 6 % ежегодно. Новую динамику этому придал Интернет, где число порносайтов в 2000-х гг. составляло порядка 12 % всего количества веб-сайтов» [5, с. 277]. На фоне падения продаж журналов и DVD и слабого роста продаж контента на платных сайтах успешное продвижение сайтов с бесплатным доступом к контенту сформировало новый вариант бизнес-модели: трансиндустрия секса извлекает доходы из размещения контекстной рекламы, подобно тому как зарабатывают владельцы уважаемых сайтов вроде Google и Facebook.

«Индустрия моды производит теперь не только одежду и аксессуары и не только образы, становящиеся образцами стиля жизни, сколько собственно моду, т.е. главный продукт этой индустрии – тренды» [2, с. 18]. Она предлагает заказчикам разных отраслей разные рынки, разрабатывает радикальные визуальные решения проблем и зарабатывает немалые деньги на различных «субстанциях» гламура. «Например, в 2010 г. тренд-бюро WGSN получило доход в размере 40 млн фунтов стерлингов, показав годовой прирост в 5 %, а компания Porsche Design Group в 2011 г. достигла 30 % роста доходов и уровня в 80 млн евро» [2, с. 18].

Структура ГПК включает индустрию красоты, которая «объединяет в растущий рыночный кластер производителей косметики, салоны красоты, фитнес-клубы, СПА-салоны, клиники пластической хирургии и другие предприятия, которые при всех различиях в технологиях производят одну и ту же «субстанцию – управляемую внешность, управляющую сознанием» [2, с. 18]. Последние десятилетия наблюдается количественный и качественный рост индустрии красоты. «К 2006 г. мировой объем продаж товаров “для красоты” достиг 280 млрд долл., а объем услуг, оказываемых профессионалами этой индустрии, составил свыше 100 млрд долл. Еще одним впечатляющим показателем экспансии индустрии красоты является рост числа косметических процедур, к которым прибегают клиенты пластических хирургов. В США за период 1997–2006 гг. число косметических процедур выросло на 444 %» [5, с. 243].

Таким образом, с одной стороны структуры ГПК выглядят нетрадиционными с точки зрения рамок индустриального капитализма, который основывается на стоимости продукта. С другой стороны, виртуальная экономика «гламура» является совокупностью сетей, в которых капитализируются образы.

Наряду с пространственной реконфигурацией неравенства и реконфигурацией стратификации можно выделить еще один аспект воздействия глэм-капитализма на не-

равенство – его темпорализацию. «Темпоральное неравенство открывает еще одно измерение в современных неравенствах. Оно не может быть описано в привычных социально-пространственных терминах иерархического порядка, дифференцирующего высокие и низкие позиции, или сетевого порядка, дифференцирующего центральные и периферийные позиции. Различие нужно делать между успешными и опоздавшими стать участниками тренда» [6, с. 23].

С развитием глэм-капитализма конфигурации неравенства усложняются. «В индустриальном обществе утвердилось неравенство, основанное на институциональном регулировании доступа к материальным, человеческим и символическим ресурсам в соответствии со статусом, приобретаемым в рамках формальных организаций. В постиндустриальном обществе сосуществуют три типа неравенства: 1) институциональное неравенство, основанное на социальном статусе, устанавливающем соответствие между классом и собственностью, доходом и слоем, культурным капиталом и престижем стиля жизни, гендером и личными правами, этничностью и гражданскими правами и т.д.; 2) сетевое неравенство, основанное на культурной идентичности, обеспечивающей различие между теми, кто включен в сеть и получает привилегии членства, и теми, кто не включен в сеть; 3) потоковое неравенство, основанное на пространственной и социокультурной подвижности, обеспечивающей вовлеченность в потоки и сопутствующие преимущества времени и места» [6, с. 23]. При этом следует обратить внимание, что анализ новых конфигураций неравенства не отменяет институциональное неравенство, но новые формы следует принимать в расчет, чтобы адекватно описывать и объяснять многомерные неравенства нашего времени. Классический подход к неравенству все еще доминирует.

П. Сорокин полагал: главная причина неравенства – неравномерное распределение прав, обязанностей и привилегий в обществе. Он связывал в неразрывное целое проблему неравенства и проблему социальной справедливости (от себя добавим: в условиях капитализма неразрешимые в принципе) [9].

М. Вебер указывал на три неразрывных компонента неравенства. Первый – имущественное неравенство, ибо богатство далеко не всегда означает справедливое вознаграждение за общественно полезные результаты собственного труда и таланта. При капитализме оно зависит от полученного материального наследства, доходов за счет собственности, капиталовложений, недвижимости, акций, ценных бумаг и т.п. При этом представители разных (и прежде всего нижестоящих) социальных классов имеют неодинаковые возможности для приобретения активов и доходов. Второй компонент неравенства в том, что разные люди и группы людей в разной мере пользуются уважением в обществе, имеют неодинаковый престиж (отсюда введенное им понятие «статусных групп»). При этом в условиях манипулирования общественным сознанием в «элиту» зачастую попадают люди, не несущие никакой позитивной функции. Третий отмеченный Вебером фактор – это власть. Далеко не всегда, писал он, власть получают достойные люди честным путем, и далеко не всегда используют ее на благо, а не во вред обществу [10, с. 40].

В научном дискурсе четко определена сущность социального неравенства. Она в неодинаковом доступе различных групп населения к социальным благам, здравоохранению, образованию, а значит, в различных стартовых возможностях граждан.

Уже около полувека исследуется неравенство между Севером и Югом. Среднедушевые доходы 20 наиболее богатейших стран превышают в 37 раз соответствующие доходы наиболее бедных стран. По оценкам программы развития ООН, доля богатейших стран в ВВП составляет 86 %, доля средних – 13 %, беднейших – 1 %. Разные темпы экономического роста приводят к увеличению разрыва между ними. «Совокупное богатство 1 тыс. богатейших людей мира почти вдвое превышает средства, имеющиеся у беднейших 2,5 млрд. По оценкам Международной организации труда, 3 млрд человек живут ниже черты бедности, установленной в 2 долл. США в день. Если в 1998 г. бога-

тейшим 20 % населения планеты доставалось 86 % всех производимых в мире товаров и услуг, а на долю беднейших 20 % приходилось лишь 1,3 % всех благ, то сегодня эти цифры лишь усугубились: богатейшие 20 % потребляют 90 % произведенных благ, а беднейшие 20 % лишь 1 %» [11, с. 16–17].

Еще одной мегааномалией в условиях современной глобализации является обострившийся миграционный процесс. Основными причинами возникновения миграционного движения являются экономическая, политическая, демографическая и национально-правовая нестабильности. К ним относятся войны и вооруженные конфликты, дестабилизирующие ситуацию в регионах: Гражданские войны в Ираке, Афганистане, Ливии и Сирии, военная операция против ИГИЛ, кризис в Сербии и в Косово, вооруженный конфликт на востоке Украины, религиозные столкновения в Нигерии. Европейский миграционный кризис возник в начале 2015 г. в связи с многократным увеличением потока беженцев и нелегальных мигрантов в ЕС из стран Северной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии и неготовностью европейцев к их приему и распределению. Это крупнейший в Европе кризис со времен Второй мировой войны. С января по сентябрь 2015 г. в государствах – членах ЕС было зарегистрировано более 700 тыс. человек, ищущих убежище. За 2015 г. в ЕС прибыли по разным оценкам от 1 до 1,8 млн беженцев и нелегальных мигрантов (для сравнения: в 2014 г. их было зарегистрировано около 280 000). Термин «кризис» по отношению к беженцам и мигрантам впервые был использован в апреле 2015 г., когда в Средиземном море произошла серия морских катастроф. В течение короткого времени (13, 16, 19 и 20 апреля) по пути в Европу потерпели крушение и затонули как минимум пять лодок, на борту которых находились более 1 200 мигрантов из Африки [11].

Еще одной мегааномалией глобального мира является дефицит продуктов питания, необходимых для нормального развития человечества. Дефицит продуктов сопровождал человечество на всем протяжении его развития. В связи с развитием мировой торговли и транспорта эта проблема несколько ослабла, но не исчезла. Причем современная мировая продовольственная ситуация трагична из-за своей противоречивости. С одной стороны, голод является причиной смерти миллионов людей. По различным оценкам, в мире голодает и недоедает около 0,5 млрд человек, подавляющее большинство которых проживает в развивающихся странах. Хотя доля недоедающих населения развивающихся стран снизилась с 27 % в 1969–1971 гг. до 21,5 % в 1983–1985 гг., однако при общем росте мирового населения количество недоедающих увеличилось с 460 до 512 млн человек, а к концу XX в. возросло до 532 млн человек.

Глобальные аномалии современного общественного развития провоцируют под влиянием научно-технической революции неравенства в социальных сетях и Интернете. Есть несколько причин, из-за которых лишь меньшинство извлекает выгоду из растущего технологического сектора. Начнем с того, что 60 % планеты все еще находится вне телекоммуникационных сетей: около 4 млрд человек не имеют доступа в Интернет, еще у 2 млрд нет мобильного телефона, а 500 млн живут слишком далеко от ближайшей передающей вышки, чтобы поймать сигнал. На первый взгляд, Интернет представляет собой самую открытую и демократичную социальную сеть: практически каждый может стать членом одного и того же виртуального сообщества. Однако явные неравенства возникают в различных возможностях производить и распространять информацию, и что особенно значимо – задавать ей определенные смыслы, касающиеся как видения политических реалий, так и нашей повседневной жизни.

Проблема социального неравенства на рубеже XX и XXI вв. стала глобальной мегааномалией современной цивилизации. «Социальный водораздел в обществе проходит уже не столько между верхними, средними и нижними слоями, сколько между крохотной группой на вершине социальной пирамиды и остальным обществом» [3, с. 15]. Более того, эти полюса продолжают разбегаться, отталкиваясь друг от друга с возрастающим ускорением, становясь похожими на модель работающего вечного двигателя

[3, с. 19]. По сути, резюмирует Бауман, речь уже давно идет «о двух мирах, не имеющих почти никаких точек соприкосновения и практически прекративших взаимодействовать друг с другом» [3, с. 22].

Наблюдаемый во всех странах рост числа миллиардеров с одной стороны и увеличение количества беднейшего населения планеты с другой как нельзя лучше иллюстрирует социальную мутацию. В связи с этим на Всемирном Давосском экономическом форуме в 2017 г. констатировалось, что одним из пяти главных рисков современного развития является углубляющееся экономическое неравенство. Таким образом, расширяющаяся сфера неравенств и сложных различий, вызванных процессами ускорения социальных и культурных изменений на глобальном уровне, раскрывает динамику этих процессов и ставит под сомнение саму возможность планетарного человеческого существования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кравченко, С. А. Мосты, соединяющие всевозможные расколы социологии ради более ровного мира / С. А. Кравченко // Социс. – 2015. – № 2. – С. 29–38.
2. Иванов, Д. В. Новые конфигурации неравенства и потоковые структуры глэм-капитализма / Д. В. Иванов // Социс. – 2016. – № 6. – С. 13–23.
3. Бауман, З. Текущая современность : пер. с англ. / З. Бауман ; под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
4. Титаренко, Л. Г. Современная западная социология: реконструкция парадигм : пособие / Л. Г. Титаренко. – Минск : БГУ, 2015. – 215 с.
5. Бауман, З. Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим? / З. Бауман. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. – 112 с.
6. Гишинский, Я. И. Социология девиантности / Я. И. Гишинский // Социс. – 2009. – № 8. – С. 70–76.
7. Bain&Company Worldwide Luxury Markets Monitor.2015. Spring Update [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.bain.com/about/press/press-releases/spring-2015-worldwide-luxury-goods-update-press-release.aspx>.
8. Доброхотов, Л. Н. Социальное неравенство – насущная проблема американского общества / Л. Н. Доброхотов // Социс. – 2016. – № 2. – С. 93–101.
9. Сорокин, П. А. Человек, цивилизация, общество / П. А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
10. Вебер, М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. – М. : Юрист, 1994. – 704 с.
11. Кузнецов, А. Транснациональные корпорации / А. Кузнецов // Мировое и национальное хозяйство. – 2015. – № 2. – С. 1–7.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 14.09.2017

Kavetski S.T. Increase in Inequality – Global Conflict of the New World Order

The article discusses the planetary issue of increase in inequality that encompasses all the aspects of social life. The author describes the increasingly strong drivers fostering the creation, distribution and complication of inequality, which is first of all deepened by the economic inequality, discrimination, violence, migration, wars, natural disasters, climate change or production of natural resources, gender, ageing, disability factors, and even the lack of opportunity for real involvement in collective decision making. The essence of social inequality is analyzed. It is manifested in the unequal access for different groups of population to social benefits, healthcare, and education thus resulting in different opportunities for a good start in life.